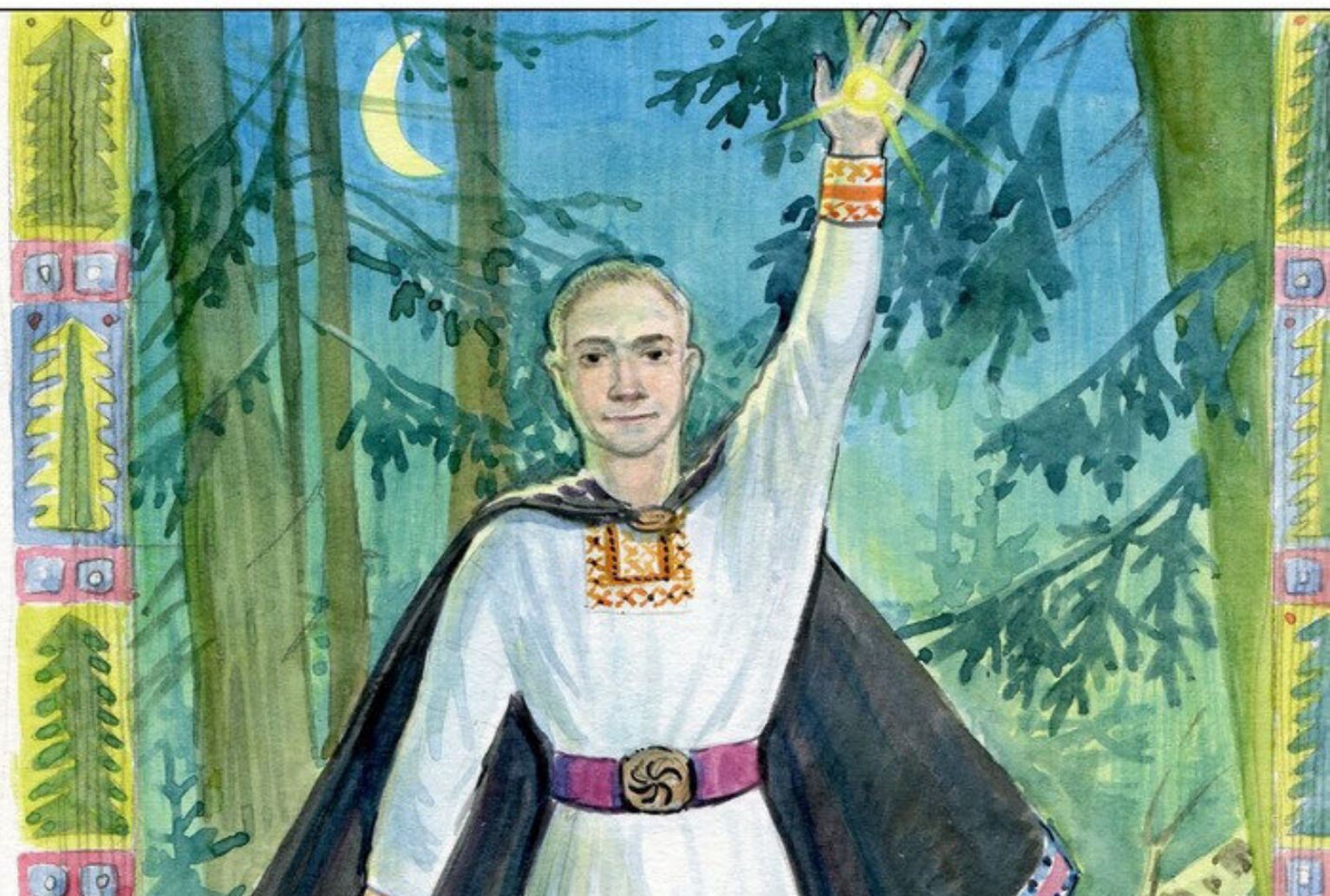

18+ Светлана Журавлева

Хранители чуда. Продолжение

роман-антиутопия

Светлана Журавлева

**Хранители чуда. Продолжение.
Роман-антиутопия**

«Издательские решения»

Журавлева С.

Хранители чуда. Продолжение. Роман-антиутопия /
С. Журавлева — «Издательские решения»,

Вар остался в мире людей. Здесь эпидемия, тотальный контроль, планы тайного общества Мосито построить «ковчег для избранных». Цена спасения — свобода. Плата за гармонию — душа. Вар, Полина Дара, Дивун и другие «неправильные» выбирают тихую войну. Живое дыхание там, где система хочет видеть лишь ровные кирпичи. Они не бегут в иной мир, а собирают тихое сопротивление здесь, чтобы прорасти сквозь асфальт. Потому что наши шероховатости — это не изъян. Это места, откуда пробивается свет.

Содержание

От автора	6
Глава I. Мост в будущее	7
Глава II. Прозрение	10
Глава III. Молодые чужь	15
Глава IV. Изоляция	21
Глава V. Новые требования	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хранители чуда. Продолжение Роман-антиутопия

Светлана Журавлева

Книга посвящается Тимофею —

моему сыну и герою.

Мальчику, вышедшему победителем из борьбы с недугом.

*Характер которого похож на камень брата Серафима, со своими
«неровностями» и «шероховатостями».*

*Со своим уникальным, неповторимым нравом,
который еще больше закалился в испытаниях.*

Я люблю тебя таким, какой ты есть.

Настоящего. Моего сына.

Иллюстратор Ксения Романова

© Светлана Журавлева, 2026

© Ксения Романова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-8854-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Иногда мир ломается. Не по швам трескается, которые можно зашить тишиной, не темнеет до непроглядной тьмы — а рассыпается в мелкую, колкую пыль, забивающую легкие, глаза и все вокруг. Несколько лет назад я стояла на краю такого обрыва. Не метафорического — самого что ни на есть настоящего, из больничных коридоров, понимающих взглядов врачей и ледящего страха, который не кричит, а медленно выедаёт душу изнутри. Болезнь моего сына стала черной дырой, которая затянула в себя все миры, светлые и идеальные, всех героев книг, все слова вообще. Я стала собственной тенью, сражающейся со злом.

Но чудеса, как оказалось, бывают двух видов. Одни — громкие из мира фантазий, чаще всего, как переход между мирами в романе «Хранители чуда», сотканный из света и веры. Другие — тихие, упрямые, почти невидимые. Они живут в ежедневном «еще один день». В первом, после долгих месяцев, настоящем смехе. Они копят, эти микроскопические чудеса, как песчинки. Пока однажды не обнаруживаешь, что из них намыта целая коса, ведущая из крошечной тьмы обратно — к берегу.

Возвращаться к «Хранителям» страшно. Как вернуться в дом, покинутый семь лет назад. Кажется, что герои этого романа разучились дышать. Что их мир остыл. Что ты сама разучилась слышать диалоги героев и шелест страниц, написанных другой, прежней собой.

Но открыв старый файл и прочитав последнюю фразу: «...чтобы каждый увидел: он не один в темноте», — я поняла, что писала это не впустую. Мы — и я, и мои герои — готовили инструкцию по выживанию в темноте. Для меня самой. Для всех, кто сейчас стоит в таком же тоннеле, упираясь лбом в холодную скалу отчаяния.

Поэтому — мы живем дальше... Вар идет вперед до победного, а Дара и Дивун не оставят мир в беде, умея слышать человеческие сердца. Их мир за эти годы не замер. Он ждал. Он рос. И в нем появились новые трещины, новые тени, и новые, невероятные источники света.

Эта книга — не просто продолжение. Это мой мост. Из того ада — обратно к жизни. Из немоты — обратно к слову. И я веду по нему не только своих старых героев, но и себя. Возрожденную. Сломанную и склеенную золотой смолой надежды.

Потому что главное чудо, которое я узнала за эти семь лет, — это не то, что «все будет хорошо», а то, что надо стараться жить уже сейчас, проживая каждое мгновение, если в нем нет страха и боли, оно уже прекрасное.

Возможно, искушенный читатель заметит, что мое перо — не самое отточенное. И это правда. По профессии я юрист, и мой мир долгое время состоял из точных формулировок, доказательств и фактов. А в мир чистого творчества, в мир слов, которые сами складываются в строки, меня вывела не учеба и не ремесло, а жизнь.

Я писала эту книгу не как профессиональный литератор, а как человек, который учился дышать заново. И если где-то в тексте вы увидите «шероховатость» или неровность слога — знайте, это не ошибка. Это место, где сердце билось сильнее, чем рука, управляющая пером.

Хочу подчеркнуть: вакцина в этой истории — не реальное лекарство, а метафора, позволяющая говорить о сложных вещах: о контроле, о страхе, о праве на собственный выбор. Я глубоко уважаю медицину и понимаю цену настоящим прививкам, которые спасают жизни. Пожалуйста, не ищите в этой книге прямых аналогий с реальностью.

Добро пожаловать обратно. В мир, где шероховатости — это не дефект, а признак подлинности. Где трещина — не конец, а начало нового пути. Где каждый из нас — хранитель своего, самого немислимого чуда.

Глава I. Мост в будущее

Московская тишина имела вкус. Не пустоты — сгустка. Гул улиц за окном, дыхание лифта в шахте, дальний звон трамвая — тишина здесь состояла из фона, из сотен чужих жизней за бетонными стенами.

Вар вздохнул, запотев стекло. Провел пальцем по влажному следу — нарисовал круг. Пропуск в нематериальный мир. Капля стекала вниз, как слеза.

Он привык. Научился носить чужую одежду, есть чужую пищу, жить по чужим законам, где все — договор, документ, кодекс. Даже полюбил эту странную красоту: геометрию улиц, старые переулки, хрящущие отголоски веков.

В понедельник у него болела голова. Во вторник — тоже. В среду он перестал замечать. Но каждое воскресенье они приходили. Сородичи. Шли рядом молча, и это молчание было тяжелее любого разговора.

Надоело, — думал он, растирая ладонью лоб. — Должно же и им надоесть.

Но идеи не шли. Голова гудела, как трансформаторная будка за окном. В кабинете никого, и он позволил себе выдохнуть — громко, по-звериному. Швырнул скомканный лист в угол.

Щелчок выключателя. Скрип замка. Декан ушел. Вар выдохнул снова, уже тише, и уткнулся в новостную ленту.

Дверь распахнулась — влетела запыхавшаяся Маргарита Анатольевна. Вар вскочил, как нашкодивший ученик:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, Вар, — она картинно выделила его имя и скрылась за перегородкой.

Комната за перегородкой — странное зрелище: двадцать метров, расчерченных временными стенками на три клетки. Заведующая, методисты, «зона отдыха». Окно в ее отсеке не открывалось, воздух застыл, как желе. В отсеке методистов окно было — и это спасало. Стены выкрашены в бледно-зеленый, пахло новой мебелью, и старые компьютеры гудели, как улы.

Вар здесь прижился. Мысленно он называл это место «Библиотекой отца» — по атмосфере, по запаху книг и тишине. Профессура относилась к нему по-человечески, и он платил тем же.

А еще он вспоминал. Ясную Поляну. Отца — вечно задумчивого, с книгой в руках. Мать — хлопотливую, с вечно занятыми руками. Братьев. Сестру Рею — зануду, как ему казалось тогда. Теперь он бы все отдал, чтобы услышать ее занудство снова. Понял вдруг, что совсем не знал ее. И что знания — это важно, да. Но важнее — они. Близкие.

Думал о матери. О ее теплых руках. О том, как пахло от нее, когда она засыпала под цветастым одеялом. От этих мыслей внутри что-то сжималось, ныло. Душа скулила — он и не знал, что душа умеет скулить.

Тосковал по запахам: влажной земли после дождя, терпкой листвы, по тому, как пахло в доме утром. По звукам: как отец напевал без слов, работая, как смеялись братья и сестра — негромко, по-домашнему.

Но и этот мир не казался ему чужим. Он был лучше нематериального — там не было боли, но не было и этого: горечи, тоски, любви. Там все замирали в вечном покое, как в молитве. А он хотел жить. Здесь. С ней.

Полина стала мостом. Между тем, кем он был, и тем, кем становился.

С тех пор прошло три года. Он сдал экзамены, ЕГЭ, поступил в Академию права на вечернее, устроился методистом на ту же кафедру. Работа и учеба почти не отнимали сил — оставалось время помогать другим. Того парня из гимназии вытянул на экзаменах. Лица поступила на журфак.

— Вар, зайдите, — голос из-за перегородки.

Он вошел. Маргарита Анатольевна даже не подняла голову:

— Исправь вот это.

Взглянул на часы. Половина девятого. Рабочий день кончился два часа назад. Он сел, взял листы. Ее докторская. На полях — корявые пометки синей ручкой. Через полчаса вернул.

В кабинет ввалился мужик. Пьяный в стельку, в мятом сером костюме, с красной рожей и неряшливой бородой.

— Где Фея ваша? — развязно обратился он к Вару. — Ушла?

— Здравствуйте, — сухо ответил Вар.

— Иосиф Борисович! — из-за перегородки выпорхнула Маргарита Анатольевна.

Она была тучна, но сегодня изображала бабочку. Фиолетовое бархатное платье до колен, голубые туфельки на каблуках — переобулась, услышав его голос. Короткая стрижка, очки-лупы, крупное лицо с веснушками, которые делали ее моложе.

Он ее не любил. Но через эту нелюбовь учился смирению.

Любить неприятного — значит признать: я тоже когда-нибудь стану невыносимым для кого-то. Становишься взрослым не тогда, когда учишься защищаться от чужих, а когда учишься защищать чужих — от собственного равнодушия.

— Что осталось? — спросил Иосиф Борисович, морщась.

Она махнула рукой в сторону своего закутка.

Звякнули стаканы. Голос: «Скажи Маринке, пусть завтра придет». Снова звон. Через пять минут мужик вышел, Вар кивнул ему. Заведующая оделась и упорхнула.

Вар остался один. Листал новости, не читая. Один заголовок зацепил, открыл, перечитал несколько раз.

«В Москве зафиксированы вспышки новой вирусной инфекции Внедритель-001. Вероятно, завезена туристами».

Внутри кольнуло. Так бывало раньше — перед тем, как случилось что-то плохое. Тогда, с Ермолаем, он тоже почувствовал.

Голова прояснилась. Боль отступила. Вар встал, подошел к зеркалу.

Оттуда смотрел молодой человек с бледным лицом и темными глазами, в которых застыла нездешняя печаль. Лицо материального Вара. Но если смотреть долго, не мигая, в глубине зрачков мерцал другой свет. Звезда в колодце.

Он коснулся пальцем стекла.

— Я помню, — прошептал на языке, который здесь значил лишь набор горловых звуков. — Я здесь. Но я все еще там.

И в этот миг, на дне тоски, вспыхнуло что-то новое. Понимание: его боль — не слабость, а канал. Через эту пустоту два мира все еще соприкасаются в нем.

Он собрал вещи, выключил компьютер, запер дверь. Вышел на улицу, снова почувствовал слезку сородичей — и не разозлился. Зашагал к метро.

У входа, как всегда, палатки с фруктами, носками, сувенирами. И старушки — с яблоками, огурцами, зеленью. Одна, узнав, замахала рукой:

— Здравствуй, сынок! Бледный какой... На-ка яблочек.

Сунула ему полный пакет. Он не хотел брать — знал, что денег не возьмет. Так и вышло.

— Кушай, не бойся. Хорошие.

Вар взял, похлопал ее по плечу, пошел к станции.

Вечер выдался холодным, морозящим. Ветер забирался под одежду, небо висело черным, мрачным. Люди спешили хмурые, обеспокоенные. В воздухе висели отстраненность и страх. Где-то гоготала пьяная компания, потом треск — и тишина.

Вар толкнул дверь метро. Толпа хлынула следом. Приложил проездной, спустился по эскалатору, сел в поезд.

Людей мало. Он не сел — подошел к двери, прижался лбом к стеклу.

Было плохо. Не физически — душевно. Голова снова затуманилась, в горле пересохло. Он оглядел вагон: несколько человек в масках.

Вышел на своей станции, зашел в магазин. Взял корзину, побрел вдоль полок. Овощи, йогурт. Касса.

Женщина лет тридцати пяти пробивала товар, едва сдерживая слезы. Руки не слушались, падали вещи. Мужчина перед Варом недовольно вздыхал:

— Поаккуратнее нельзя? Средство для унитаза и хлеб в один пакет? Мы вам свиньи, что ли? — обернулся к Вару: — Совсем обнаглели.

Вар промолчал. Женщина извинилась, переложила покупки.

Когда мужчина ушел, Вар сказал:

— Трудный день.

Улыбнулся, но губы слушались плохо.

— Да уж. Сам просил один пакет, а теперь недоволен.

— Не думайте о нем. На него, верно, накричали на работе, он и срывается.

— На такого идиота не кричать? — она усмехнулась.

Вар не ответил. Расплатился, вышел.

Холодный воздух ударил в лицо, но мысль, родившаяся в душном помещении магазина, не отпускала. Он остановился, пропуская спешащую куда-то женщину с сумками. Она даже не взглянула на него — смотрела в телефон, в свою маленькую светящуюся вселенную.

Почему мы не слышим друг друга? — подумал Вар. — Тот мужчина в очереди. Он орал на кассиршу не потому, что она перепутала пакеты. А потому что кто-то накричал на него. А на того, другого, накричал кто-то третий. И так — бесконечная цепочка злости, в которой никто не хочет остановиться и спросить: «Что с тобой на самом деле? Почему тебе больно?» Каждый видит только себя. Свою усталость. Свою правоту. Свою маленькую, тесную клетку из обид.

Он вспомнил глаза продавщицы — сухие, отчаянные, готовые вот-вот пролиться слезами. Она держалась из последних сил. А он, Вар, лишь спросил: «Трудный день?» И этого оказалось достаточно, чтобы она выдохнула, чтобы её голос перестал дрожать.

Так мало нужно, — подумал он. — Всего одно слово. Один взгляд. Одна попытка представить, что чувствует другой. Мы бежим, боимся опоздать, боимся не успеть к своим важным делам — и разучились замечать, что рядом кто-то задыхается. В этом мире, где все твердят о свободе, мы стали самыми несвободными. Потому что настоящая свобода — это когда ты можешь выйти из своей скорлупы и увидеть в прохожем не функцию, не помеху, не статистику, а живую душу. Таковую же, как твоя.

На небе светились звезды. Он остановился, посмотрел на них. Нашупал во внутреннем кармане желтый круг. Пропуск. Его не изъяли. Почему — он не знал.

Дома лег в постель, закрыл глаза. Не пытался уснуть под гул Москвы. Вспоминал. Не картины — ощущения. Текстуру плаща из теней. Утреннюю росу на бегу. Звук имени, произнесенного отцом.

И медленно, очень медленно, тишина комнаты начала наполняться. Призраками, эхо, отзвуками того мира. Он тонул в них, как в родном озере. И на губах его, впервые за долгий день, дрогнула улыбка.

Глава II. Прозрение

За окном занимался рассвет — разводил по небу акварельную размывку серого и розового, словно невидимый художник торопился закончить картину до того, как город окончательно проснётся. Начинался новый день в светлом мире. И Вар, носитель иного света, был готов прожить его, неся в себе весь шум своей тишины.

Утро выдалось мучительным. Голова гудела тупой, вязкой болью, и тело отказывалось подниматься с постели. Он давно забросил спорт, позволив себе небольшую расслабленность, но физическая сила, доставшаяся ему от рода, никуда не делась — тело всё ещё помнило свою форму, даже когда дух пребывал в унынии.

Вар пересилил себя, поднялся. Привычным движением привёл постель в порядок, зашёл в ванную, выдавил пасту на щётку. Механические движения успокаивали, позволяя мыслям течь вяло, не задерживаясь на тревожном.

В квартире стояла тишина, и он подумал, что все уже разошлись по работам. Но из кухни донёсся тихий, едва уловимый шум. Вар прислушался, со щёткой во рту заглянул туда.

Полина сидела у окна, обхватив ладонями кружку с кофе, и смотрела куда-то вдаль потерянным взглядом. За окном холодный ветер гнул голые ветки деревьев, солнце пряталось за плотными тучами, и вся картина была пронизана той особой тоской, когда мир замирает в ожидании чего-то неизбежного.

Она повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло смущение.

— Доброе утро, — тихо сказала она.

Их близость измерялась не касаниями — паузами. Они могли молчать час, и это молчание не становилось неловким. Оно вызревало, как виноград на осеннем солнце, наливалось сладостью простого присутствия друг друга. В этом молчании слышнее были вещи, для которых человеческая речь ещё не изобрела названий.

Иногда ему казалось: в прошлой жизни они были единым существом, которое кто-то жестоко разделил надвое, обрекая на вечный поиск другой половины.

— Доброе утро, — ответил Вар.

Он подошёл ближе, обнял её, чувствуя, как её смущение отдаётся в нём трепетом, разбегающимся дрожью по всему телу.

— Почему ты дома? — спросил он, и в его голосе прозвучала ласковая тревога. — Здорова? Что-то случилось?

— Всё хорошо, — она помолчала, словно собираясь с духом. — Ты, должно быть, не читал новости? — не дожидаясь ответа, продолжила: — Тебе не звонили с работы? Из-за вспышки этого вируса нас всю неделю переводят на дистанционку.

Вар ничего не ответил. Вышел в комнату, нашёл телефон, прочитал сообщение от заведующей: обучение временно дистанционное, поручения будет получать на дом.

Он сел на край кровати, медленно перебирая в голове события, складывая их в тревожную мозаику. Вошла Полина.

— Выпьешь кофе? — спросила она, всё ещё смущаясь той утренней близостью, которая всегда заставляла её врасплох. — Позавтракаешь?

Вар кивнул, и они вместе прошли на кухню.

— А где твой брат?

— Ушёл на работу как обычно, — ответила она, и в её голосе прозвучала едва уловимая испуганность.

Вар так и не смог наладить с Вадимом контакт. Тот был замкнут, считал себя избранным, относил себя к особенной христианской вере, при этом критиковал православных, называл их фарисеями, а их учения — ложными. Сам же своими действиями, образом мыслей и пове-

дением никак не являл образ истинного христианина. Был ленив, небрежен. Целью его было много зарабатывать и ничего не делать. Он поклонялся новым айфонам и дорогой технике, но не скупился на оскорбления и обличения других — особенно тех, кто постится, ходит в храм, проводит там время.

Вар часто не хотел с ним общаться. Вадим вызывал в нём порой глухую, тяжёлую неприязнь.

Полина накрыла на стол, и, взглянув на Вара, заметила:

— Вар, как ты себя чувствуешь? У тебя какой-то болезненный вид.

— Всё в порядке, — успокоил он её. — Не волнуйся. Давай завтракать.

Они сели. Вар положил свою ладонь поверх её, и это простое прикосновение сказало больше, чем любые слова.

— Мне бы хотелось, чтобы ты всегда был рядом, — тихо произнесла она, и в её голосе задрожала непрошенная слеза. — Если ты исчезнешь, я не переживу. — Помолчала, словно собираясь с духом. — Иногда мне кажется, что ты ненастоящий человек. — Лицо её залилось краской. — Прости, я, наверное, опять что-то не то говорю. Просто ты так не похож на остальных. Дело даже не в том, что я тебя люблю и поэтому считаю лучше всех. Ты и правда совсем другой. Иногда я даже боюсь тебя.

— Боишься? — удивился Вар, и в его глазах мелькнула тень понимания. — Мой отец всегда говорил: больше всего надо бояться собственного страха. — Он меланхолично убрал ладонь, словно давая ей пространство для дыхания. — Тебе незачем меня бояться. Я сделаю всё, чтобы защитить тебя.

— Мы живём вместе уже несколько лет, а я так и не знаю тебя как следует. Ты часто говоришь про отца. Но не хочешь говорить, где он. И о себе почти ничего не рассказываешь, — она помолчала, и в её голосе послышалась горечь. — Вадим меня часто упрекает за это.

Вар тяжело вздохнул, чувствуя, как подступает знакомая усталость от этого разговора, который они вели уже много раз по кругу.

— Тебя тревожит, что думает твой брат? Я ему не нравлюсь — и считаю его никчёмным человеком. Стоит ли относиться к его словам всерьёз? Он много говорит, но не отдаёт отчёта своим словам, — он помолчал, смягчая голос. — Но хватит о нём. Лучше расскажи, какживает твоя мама? Ты, кажется, давно её не навещала?

— Иной раз я не знаю, чего ждать от тебя, — она покачала головой, и в её улыбке мелькнуло удивление. — Вдруг про маму мою вспомнил. Мама и старший брат в деревне. Я редко их навещаю, — Полина откинулась на спинку стула, и лицо её стало задумчивым.

— Возможно, вся эта ситуация затянется, — серьёзно сказал Вар. — Тебе лучше будет уехать к ним.

— Посмотрим, — в её голосе зазвенела грусть. — Ты готов со мной так легко расстаться? А ты останешься здесь, если я уеду?

— Здесь или ещё где-то, — ответил он, и его слова прозвучали весомее, чем он ожидал. — Главное, чтобы ты была в безопасности.

— Вар, ладно. Может, не стоит так серьёзно относиться к этому вирусу? Я не хочу никуда уезжать от тебя.

— Я тоже не хочу, — уверенно сказал Вар, и в его голосе прозвучала та твёрдость, которая не терпела возражений. — Однако, как говорил Платон: надо стараться легко принять то, что неизбежно.

— Неизбежно наше расставание? — голос её дрожал, и она смотрела на него с такой болью, что у него сжалось сердце. — Скажи как есть, если ты решил, что нам надо расстаться.

Вар подошёл и обнял её, чувствуя, как она дрожит в его руках.

— Разве я сказал, что хочу расстаться? — он поцеловал её в висок, вдыхая знакомый, родной запах. — Моя милая, ты же знаешь: я люблю тебя и хочу быть с тобой. Ты привыкла,

что в вашем мире мужчины часто бросаются словами и говорят не то, что чувствуют. Наверное, поэтому в твоей голове возникают такие мысли.

— Вар, объясни: что значит «в вашем мире»? Это что, не твой мир тоже? Я не понимаю. Раньше, когда ты так говорил, я воспринимала это как шутку. Но что-то мне подсказывает: ты совсем не шутишь. И от этого мне бывает очень страшно.

Она отстранилась, подошла к окну, и Вар последовал за ней. Город лежал внизу — прекрасный и далёкий, чужой и одновременно ставший почти родным за эти годы. Чужой звон в ушах усиливался, превращаясь в навязчивый, тревожный гул.

Но теперь Вар смотрел на него не с тоской беспомощного изгнанника. В его глазах, тёмных и глубоких, из другой реальности вспыхнуло чувство.

Он обнял девушку за плечи, поцеловал в шею, чувствуя, как бьётся её пульс под его губами.

— Я люблю тебя. Всё будет хорошо. Я позабочусь об этом, — он помолчал, подбирая слова, которые не решался произнести вслух уже несколько лет. — Я не такой, каким ты хотела бы меня видеть. Я знаю. Пока я не могу рассказать тебе всего. Но, пожалуй, скоро придёт время — и ты узнаешь то, что должна. Возможно, ждать осталось недолго. — Он задумался, глядя куда-то вдаль, сквозь стекло и серые дома, в иное измерение. — Постарайся мне поверить.

— Да не в этом дело, — она повернулась к нему, и в её глазах стояли слёзы. — Я вовсе не хочу, чтобы ты был другим. Я люблю тебя таким, какой ты есть. Но я обычный человек. Мне трудно понять многое из того, что ты говоришь.

Вар молча обнимал её, целовал плечи, и в этом безмолвии было больше смысла, чем в любых словах.

— Давай продолжим завтрак, — сказала Полина, вытирая слёзы, и её голос прозвучал твёрже.

Вар кивнул. Они снова сели за стол, и привычный ритуал еды помог вернуть ускользающее равновесие.

Покончив с завтраком, Вар вернулся в комнату. Взял ноутбук, сел на кровать. Начал изучать информацию о вирусе Внедритель-001.

В новостях то и дело сообщали: количество заражённых стремительно растёт, необходимо вводить более строгие ограничения. Сводки из других стран ежечасно пополнялись пугающими данными, создавая ощущение, что мир сжимается, как шагреновая кожа, неумолимо приближаясь к какой-то неведомой черте.

Вару попала информация о тайном обществе Мосито. Конспирологические тезисы по установлению нового мирового порядка, выложенные неизвестным пользователем, гласили:

«Мосито создадут тотальное управление обществом, поскольку стремятся к созданию единого глобального государства. Они будут контролировать общество через сети влияния и проникнут во все властные структуры: в правительства, банки, СМИ — и будут управлять миром из-за кулис».

Вар дочитал до конца, встал, заходил по комнате. Ему непременно захотелось обсудить прочитанное с отцом, узнать его мнение. Но он понимал: это невозможно. Между ним и домом теперь лежала пропасть, которую не измерить километрами.

Из груди вырвался глухой, придушенный стон. Он снова сел, обхватил лицо руками, и в этой позе было что-то от древнего, безысходного горя.

Откровение пришло не вспышкой — проступило, как фотография в чёрной комнате, медленно и неотвратимо. Из сотен разрозненных наблюдений, из обрывков новостей, из странных совпадений складывалась единая, пугающая картина.

Вар, день за днём отслеживая энергетический диссонанс всей этой истории с вирусом, стал замечать в ней не просто хаос. Пики всеобщей паники совпадали не только с выпусками

новостей, но и с какими-то едва уловимыми всплесками в самом «чуждом звоне» — будто кто-то подбрасывал дров в костёр коллективного ужаса.

Потом — география. Он наложил карту самых тяжёлых вспышек болезни в Москве на свою внутреннюю карту энергетических искажений. Очаги не всегда совпадали с плотностью населения. Зато они образовывали странные, ломаные линии, которые, если мысленно соединить, напоминали фрагменты какого-то знака.

Общество Мосито — группа, возникшая на стыке трансгуманизма, оккультизма и радикального социального инжиниринга. Их манифесты, которые Вар раньше пролистывал с отвращением, говорили о «Великом упрощении» — необходимости сломать старую, хаотичную человеческую природу и создать новое, иерархическое общество «просветлённых», управляющих «спящим большинством» через контроль над базовыми инстинктами: страхом, потребностью в безопасности, стадным чувством.

Раньше это казалось бредом фанатиков. Теперь, глядя на город, опутанный невидимой сетью страха, эти слова обретали жуткую, осязаемую конкретность.

Вар сидел за компьютером, пальцы летали по клавиатуре. Он перестал искать медицинские статьи. Он искал совпадения. Связи между компаниями, получавшими государственные контракты на борьбу с эпидемией, и смутными дочерними предприятиями, фигурировавшими в расследованиях о Мосито. Он искал риторику в выступлениях официальных лиц: постоянные отсылки к «дисциплине», «новой нормальности», «жертвам ради общего блага». Слова, которые прямо из манифестов общества попадали в телеэфир.

И чем глубже он копал, тем страшнее становилась картина. Вирус был реальным. Но его распространение, его психологическое воздействие, меры «борьбы» — всё это, по мнению Вара, усиливалось и канализировалось. Как если бы к природному урагану подключили направленные излучатели, чтобы сносить не всё подряд, а строго определённые здания.

Цель? Подчинить. Сломить индивидуальное сопротивление. Создать идеально управляемое, напуганное общество, готовое отдать все свободы в обмен на иллюзию безопасности. А затем, когда структура будет готова, предложить «спасение» — то самое «Упрощение».

В его груди, рядом с тоской по дому, разгорался новый огонь. Здесь были Полина, Вадим, миллионы людей, не подозревавших, что их страх — чьё-то оружие.

В комнату вошла Полина.

— Что с тобой? — спросила она, и лицо её было испугано. — Ты всё же не здоров?

Она потрогала его лоб — прохладный, без признаков жара.

— Температуры вроде нет, — она обняла его, прижалась щекой к его спине. — Хочешь, сделаю чаю?

— Со мной всё в порядке, — хрипло ответил Вар, чувствуя, как её тепло проникает сквозь одежду, согревая ту ледяную пустоту, что поселилась внутри. — Не волнуйся.

Полина заглянула в экран компьютера.

— «Конспирологические тезисы по установлению нового мирового порядка», — вслух прочитала она. — Что ты читаешь?

Не дождавшись ответа, вздохнула. Вар нежно сжал её пальцы.

— Я принесу тебе чаю, — сказала она и вышла.

Раздался звонок в дверь. Вар насторожился, встал, прошёл в прихожую. Полина уже открывала. В квартиру вошёл Вадим. Вид у него был весёлый и, как всегда, расхлябанный. Не церемонясь, прошёл на кухню, не снимая верхней одежды. Что-то положил в холодильник, вернулся в прихожую. Заметил встречающих.

— А че это вы дома? Все нормальные люди работают. На хлеб насущный зарабатывают.

— Так нас на дистанционку перевели на всю неделю, — ответила Полина.

— Ниче се, вы обнаглели! Мы, значит, пашем — и всем по фигу, что мы можем заразиться. А вы тут отдыхаете! — сказал он в своей обычной, весело-раздражённой манере. Понять, шутит он или всерьёз, было невозможно. Он и сам, казалось, не понимал.

— Вам выдали защитные средства на работе? — спросила сестра.

— Да какие там средства! — отмахнулся он. — Сейчас маски даже в аптеке не купишь. Ещё две недели назад я покупал — хоть и втридорога. Хорошо, побольше взял. Так-то я в своей маске работаю.

— Ну хорошо, сам о себе позаботился, — сказала Полина.

— Сегодня, прикинь, один мужик в цехе подходит ко мне: «Вадим, дай одну маску, а то у меня внучка родилась, боюсь заразить. У тебя же их вон много вижу».

— Ну, ты дал? — спросила сестра.

— Нет, конечно. Что я, обязан? Пусть завод обеспечивает! А вообще-то я каждую по пятьдесят рублей покупал, они на дороге не валяются. И он не денег просит — маску. Если свою отдам, потом сам без них останусь.

Вару стало не по себе. Он смотрел на этого парня и чувствовал, как в нём поднимается глухое, тяжёлое отвращение.

— А если бы он у тебя пятьдесят рублей займа попросил — ты бы дал?

— Не знаю, — ответил Вадим, пожимая плечами. — Смотря на что. — Он помолчал, потом добавил с вызовом: — И может, сначала поздороваться было бы неплохо.

— Здравствуй, Вадим, — сухо произнёс Вар. — Допустим, на хлеб попросил — дал бы?

— Может, и дал бы, — буркнул Вадим и, не глядя на Вара, прошёл в ванную.

Вар вернулся в комнату, лёг. Несколько минут лежал неподвижно, пытаясь соотнести прочитанное и происходящее, сложить эти два разных мира в одну картину.

В комнату вошёл Вадим.

— Ты что, новости не смотришь? Надо быть просвещённым человеком, следить за тем, что в мире происходит. А не штаны просиживать.

Вар промолчал. Потом встал. Хотел что-то сказать — и передумал, чувствуя, что любые слова сейчас будут бессмысленны. Вадим вышел.

Вар прошёл в другую комнату. Полина и Вадим смотрели новости. Он тоже сел на диван, опрокинул голову назад, закрыл глаза. Просидел так несколько секунд, потом вернулся в прежнее положение и попытался вслушаться в доносившееся с экрана.

А за окном, в сгущающихся сумерках, замигал первый одинокий огонёк в окне напротив — чей-то сигнал: «Я здесь. Мы есть».

Вар увидел это и улыбнулся. В этой маленькой, упрямой вспышке ему почудилась надежда.

Глава III. Молодые чудь

Квартира Анатолия была иным типом изоляции. Не стерильной, как больничная палата, — старой, с высокими потолками, скрипучим паркетом, почерневшим от времени, и запахами, которые не выветривались годами. Здесь пахло морковным пирогом, только что вынутым из духовки, и книгами — тем особым, сладковато-пряным ароматом старых страниц, впитывающих человеческое тепло.

Дивун сидел у окна и считал ворон на соседнем дереве. Птицы галдели, перелетали с ветки на ветку — беспокойные, чужие в этом городе, как и он сам. В комнате он был один — в последнее время это случалось всё чаще. Он повздорил с Мирным Творителем и теперь, кажется, даже радовался одиночеству. Но радость длилась недолго, таяла, как утренний туман под лучами солнца, оставляя после себя лишь тяжёлый, свинцовый осадок.

Вошёл Анатолий.

— Дивун, — он присел на подлокотник кресла, и кожа старого кресла жалобно скрипнула под его весом. — Ты вчера следил за Варом. Что-то важное?

Дивун не обернулся. Его взгляд был прикован к воронам, которые, словно чувствуя его внимание, загалдели ещё громче.

— Ничего. Работает, помогает людям. Вообще он хороший человек, — в голосе проскользнула прохладная, едва заметная ирония.

— Странно, — Анатолий потёр лоб, словно пытаясь стереть непонятное выражение с лица.

— Ничего странного, — Дивун пожал плечами. — Вар живёт обычной жизнью, его всё устраивает. Это мы непонятно зачем здесь торчим. Может, старый Орлин был прав? Не надо было нам переходить.

В комнату бесшумно, как тень, вошёл Мирный Творитель. Услышал последнюю фразу, остановился в дверях, и его лицо, обычно насмешливое, стало серьёзным.

— Тебе вообще вредно много думать, — сказал он беззлобно, но в голосе его прозвучала едва уловимая усталость. — Поспи, погуляй. От причитаний пользы нет.

Дивун запыхтел, как старый паровоз, и насупился, готовый разразиться гневной тирадой.

— Хватит, — Анатолий примирительно поднял ладонь, и его жест был мягким, но властным. — Не будем ссориться. Всё наладится, скоро что-нибудь придумаем.

Он сам не поверил своим словам. И, произнеся их, пожалел, что сказал. Потому что ложная надежда хуже, чем никакой.

— Ага, придумаешь тут, — буркнул Дивун, возвращаясь к своим воронам.

— Можем вернуться обратно. Жить, как раньше.

— Да, — голос Дивуна был полон горечи. — Постаревшими на три года. Бездарно.

— Тогда предложи что-нибудь вместо причитаний, — Мирный сложил руки на груди.

Дивун резко повернулся:

— Я предложу? А кто из нас Творитель?

Мирный молчал. Смотрел куда-то в стену, сквозь неё, в то измерение, которое было видно только ему.

— Ты что-то придумал? — насторожился Дивун, чувствуя неладное.

— Слушай, а что ты думаешь про этот вирус? — Мирный перевёл взгляд на него, и в его глазах горел странный, незнакомый огонь. — Вдруг неслучайно. Я видел видение.

Анатолий подался вперёд, его лицо стало напряжённым, внимательным.

— Какое видение?

— Вчера шёл через парк. Вдалеке, над деревьями, зависло светящееся облако. Я побежал к нему — оно исчезло, — Мирный говорил медленно, словно боясь спугнуть воспоминание. — Знах говорил: раньше, перед важными событиями, являлись такие знаки.

— Почему сразу не рассказал? — Дивун вскочил с подоконника, и вороны, испуганные его резким движением, с карканьем взмыли в небо.

— Боялся спугнуть, — просто ответил Мирный.

— Надо собрать больше информации, — Анатолий встал, потянулся.

Из соседней комнаты донёлся смех — лёгкий, серебристый, как струйка воды в летнем ручье. Ребята переглянулись и, движимые общим любопытством, прошли туда.

Рея что-то шептала на ухо Даре — обе смеялись, прикрывая рты ладонями, как девчонки, которые делятся секретом, слишком важным, чтобы его услышали другие. Кум и Сим сидели над шахматной доской, склонив головы, Мария с Витером наблюдали, перебрасываясь тихими, ленивыми репликами.

— А я не слышал, как вы вернулись, — Дивун обвёл взглядом вошедших, стараясь не смотреть на Дару.

— Да, мы поняли, — Кум, не отрываясь от доски, усмехнулся. — Ты был занят очень важным делом. Ворон считал.

Раздался смех — негромкий, но искренний. Дивун покраснел, скосил глаза на Дару. Она перехватила его взгляд и ободряюще улыбнулась — тихо, одними уголками губ, и от этой улыбки у него потеплело внутри.

— Может, ужинать пора? — Витер поднялся с пола, потягиваясь всем телом, как кот после долгого сна.

— Тебе бы только есть, — буркнул Кум, передвигая коня. — Давай доиграем. Ещё пять часов.

— Как прошёл день? — Дивун снова повернулся к ребятам, делая вид, что ему нет дела до шахматной партии.

Рея пожала плечами:

— Обычно. Собирали мусор, выполняли поручения Валентины.

Она изменилась за эти годы. Раньше, в Ясной Поляне, Рея вечно задирала нос, спорила по пустякам, была резкой и нетерпимой. Теперь держалась ровно, мягко, почти незаметно, и в этой перемене была какая-то тихая, взрослая мудрость. Дивун поймал себя на мысли, что ему это в ней нравится. И тут же устыдился этой мысли.

— Хорошо, что вы там работаете, — сказал он многозначительно, не зная, что ещё добавить.

— Иначе чем бы мы питались? — вздохнул Витер, и в его голосе не было обычного веселья.

— Опять ты про еду, — Кум покачал головой, делая последний ход. — Ладно, сдаюсь. Дивун, есть мысли?

— Мирный, расскажи сам, — Дивун обвёл всех взглядом. — Нам нечего скрывать друг от друга.

Молодёжь притихла. Даже Кум отодвинул шахматную доску, готовый слушать.

Мирный Творитель обвёл всех долгим, изучающим взглядом. Голос его, когда он заговорил, звучал ровно, без обычной насмешки, и в этой ровности была какая-то новая, пугающая серьёзность.

— Вчера вечером, в парке, я видел светящееся облако. Побежал за ним — оно исчезло.

— На что похоже? — спросила Дара, и её голос прозвучал тихо, но отчётливо.

— Неровный круг, — Мирный закрыл глаза, словно пытаясь заново увидеть картину. — Свет был очень яркий. Не из этого мира.

— Ты что-то почувствовал? — она смотрела на него в упор, и Дивун вдруг остро ощутил, как ему не хватает сейчас такого же прямого, понимающего взгляда. Но Дара смотрела на Мирного.

— Волнение, — признался тот. — Я думал об этой эпидемии.

— Рея, — Дивун заставил себя отвести глаза от Дары, — отец рассказывал о таких явлениях?

Рея задумалась, прикусила губу — старая привычка, от которой она никак не могла избавиться.

— Великому Чудину являлись знамения до того, как он впервые смог перейти в нематериальный мир, — сказала она медленно, словно припоминая давно забытый урок. — Они были как вехи — он знал, что близок к разгадке.

— Пойдите, — Дивун поднял руку, и все замолчали. — А если сейчас тоже знамение?

— Осталось понять — чего, — Сим убрал шахматы в ящик стола, и стук деревянных фигур прозвучал в тишине неестественно громко.

— Почему оно явилось тебе? — Рея смотрела на Мирного с каким-то новым, почтительным любопытством. — Может, ты избран для важной миссии?

Повисла пауза. Тишина в комнате сделалась густой, почти осязаемой, и в этой тишине каждый думал о своём.

— А ужинать когда? — жалобно спросил Витер, и напряжение лопнуло, как мыльный пузырь.

— Ты можешь думать о чём-то, кроме еды? — Кум закатил глаза, но в его голосе не было злости.

— Могу. Но когда сыт, — парировал Витер с неподражаемой логикой.

— Хватит, — Сим хлопнул ладонью по столу, и все вздрогнули. — Вы вечно переводите разговор в сумбур. Думать не даёте.

— Думай во здравие, кто мешает? — Витер уже рылся в шкафчике, выискивая что-то съестное.

— У нас хлеб закончился, — сказала Рея, возвращаясь к практическим заботам. — Я сбегая в магазин.

— Я с тобой, — отозвалась Дара, и Дивун почувствовал, как что-то ёкнуло у него в груди.

— Мне кажется, можно поесть и без хлеба, — Кум нахмурился. — Вирус опасный, лучше избегать лишних контактов.

— Может, я схожу? — Витер с надеждой обернулся, и в его глазах светилась искренняя мольба.

— Чтобы самому по дороге налопаться мороженого? — хмыкнул Сим.

— Нет уж, — Кум поднялся, и его голос не терпел возражений. — Никому не ходить.

Витер вздохнул, но спорить не стал.

— Тогда пойдёмте ужинать, — Дара улыбнулась, и комната словно стала светлее от этой улыбки. — Суп овощной, салат и морковный пирог к чаю.

— О, то, что надо! — Витер просиял, и все потянулись на кухню.

Маленькую, тесную кухню, где едва помещались двое. Но Кум когда-то смастерил раскладной стол и скамейки, и теперь здесь помещались все девять. Дара раскладывала приборы, и её движения были точными и плавными. Рея разливала суп, пар поднимался над тарелками молочным туманом. Мария накладывала салат, и в её молчаливой сосредоточенности было что-то уютное, домашнее.

Пятеро молодых мужчин сидели плечом к плечу, дыша паром от горячих тарелок, и в этой тесноте была своя, особая близость, которую не заменишь ни просторными залами, ни роскошными столами.

Витер отрезал кусок пирога, отправил в рот, зажмурился от удовольствия.

— Как вкусно, — сказал он с набитым ртом и принялся пританцовывать сидя, не в силах сдержать восторг.

— Такое ощущение, что мы пришли сюда веселиться, а не миссию выполнять, — Сим покачал головой, но в его голосе не было осуждения.

— А что, сидеть и плакать? — Витер потянулся за вторым куском, но, встретив взгляд Марии, замер.

— Я бы поплакала, если бы это помогло, — тихо сказала Мария, и в её голосе прозвучала такая тоска, что все притихли.

— Скучные вы люди, — вздохнул Витер, но пирог отставил.

— Тебе потом супа не захочется, — заметила Мария, возвращаясь к своей тарелке.

— Ему? — Кум хмыкнул. — Ему всегда хочется есть.

Все приступили к ужину, и на некоторое время в комнате воцарилась та мирная, сосредоточенная тишина, которая бывает только за общим столом.

***

С тех пор как совет старейшин принял решение о переходе, прошло больше трёх лет. Три года — срок, за который чужие становятся своими, а свои — ещё более родными. Ребята сдружились, притёрлись друг к другу — как камни в старой кладке, что держатся не раствором, а собственными неровностями, цепляясь друг за друга выступами и шероховатостями.

Рея, Дара и Кум устроились в управляющую компанию — разнорабочими. Документы, аккуратно напечатанные на компьютере, сошли за иностранные паспорта. Официального трудоустройства не вышло, но их это устраивало. Заработанных денег хватало на еду и нехитрый быт.

Мария вела хозяйство: готовила, убирала, стирала, ходила в магазин. Анатолий всё так же работал в конторе. Остальные подрабатывали, где придётся — грузчиками, подсобниками, разнорабочими. Не ради денег — ради того, чтобы быть в этом мире, касаться его руками, понимать его законы изнутри.

Свободное время они посвящали одному: искали возможность. Способ перевести несколько тысяч человек из потустороннего мира в этот, земной, плотный, шумный, пахнущий бензином и хлебом, с его радостями и горестями, с его болью и его нелепой, непостижимой красотой.

Ничего подходящего не находилось.

Они вышли на контакт с Варом. Он не пожелал поддерживать связь. Тогда ребята решили наблюдать — чтобы понять, зачем он здесь. С какой целью остался, чего ищет, что нашёл такого, чего нет у них.

Каждое воскресенье молодёжь переходила в потусторонний мир, докладывала совету старейшин о земной жизни. Об успехах, о трудностях, о том, что мир людей оказался сложнее, чем они предполагали, и одновременно — проще. Что люди не ждут от них великих подвигов — им нужно, чтобы кто-то просто был рядом.

Дивун всё ждал, что отец призовет их обратно, признает: миссия провалена. Но Чудин не звал. Наоборот — подбадривал, хвалил за неведомые успехи, говорил, что они делают важное дело, смысл которого откроется позже. И Дивуну всё чаще казалось: отец сам не знает, зачем затеял этот переход. И сожалеет. И корит себя в тихие, бессонные ночи.

Дивун стал молчалив. Угрюм. Их отношения с Дарой так и остались дружескими — замороженными на той границе, где дружба могла бы перерасти в нечто большее, но он не решался сделать шаг. Боялся. Себя — боялся больше всего. Своей неуверенности, своей нерешительности, того, что, сделав шаг, он не сможет быть тем, кого она заслуживает.

Дара же, чуткая, понимающая, не давила. Не торопила. Она принимала его молчание, его отстранённость, его бесконечную внутреннюю войну. И каждый день, прожитый здесь, в материальном мире, считала подарком — даже если этот подарок был не таким, как ей мечталось.

Кум Сталевар тоже был доволен. Он был рад всему: тому, что стал старшим в этой компании, тому, что его слушались, тому, что мог видеть Дару каждый день. Чувства к ней, уснувшие было, проснулись с новой силой — но он, сдержанный по нраву, умел их прятать. А внимание Реи Могучей льстило ему. С ней было легко, интересно, она советовалась с ним по пустякам — и в этом он находил утешение от тех чувств, которые не смел высказать.

Ужин закончился. Ребята расходились по комнатам, унося с собой тепло общего стола и общих разговоров. Сим и Витер, устав за день от безделья, вяло толкали друг друга в коридоре — скорее по привычке, чем для веселья, как два щенка, которые уже выросли, но всё ещё помнят детские игры.

Кум попытался их утихомирить, махнул рукой и ушёл смотреть новости — туда, где мир говорил на языке, который они учились понимать.

Рея осталась на кухне помогать Марии. Дара, поняв, что девушки справятся без неё, ушла в свою комнату — ту, которую Анатолий отдал ей, Марии и Рее.

Прилегла. Встала. Прошла по комнате, касаясь пальцами знакомых предметов.

Дверь открылась. Вошёл Дивун.

— Ты одна? Не помешал? — голос его звучал сдавленно, почти виновато, словно он вторгся в чужое пространство без разрешения.

— Входи. Девчонки на кухне, — она улыбнулась ему — светло, открыто, без тени упрёка, и эта улыбка была теплее любых слов.

Дивун нерешительно переступил порог, сел на краешек стула, словно боясь занять слишком много места. Дара опустилась на кровать напротив, сложила руки на коленях.

— Ты в порядке? — спросила она.

Он кивнул. Потом покачал головой. Потом снова кивнул, запутавшись в собственных мыслях.

— Знаешь, мы так давно не говорили... без посторонних, — он замолчал, подбирая слова, которые так долго носил в себе. — Я много думаю. О том, правильно ли всё сделал тогда.

— Не ты. Мы, — Дара подалась вперёд, и в её голосе была та твёрдость, которой ему так не хватало. — Мы с тобой.

Он поднял на неё глаза. В них была такая мука, что у неё сжалось сердце.

— Я считаю, мы всё сделали правильно, — сказала она твёрдо, глядя ему прямо в глаза. — Я верю: Господь нам помогал. Иначе и быть не могло.

Дивун молчал. Смотрел в пол, на тени, которые отбрасывала лампа, на свои руки, сцепленные в замок.

— Не спеши, — голос Дары дрогнул от нежности, которую она больше не пыталась скрыть. — В хорошем деле спешки нет. Дед всегда так говорит. Всё идёт по плану. Скоро мы начнём понимать его смысл.

— Не знаю, Дара. Мне страшно. Вдруг я впутал столько людей — и всё зря?

— Перестань, — она взяла его за руку, и её пальцы были тёплыми и уверенными. — Если разбираться, я первая виновата.

— Нет! — он поднял голову, и в его глазах блеснуло что-то похожее на гнев, обращённый на самого себя.

— Дивун, — Дара выдержала паузу, давая ему время успокоиться. — Помнишь, как мы искали хоть какую-то зацепку? У нас не было мыслей — была только вера. Вера, что выход есть, что Господь поможет. И помог — мы нашли потомка Аверина. Неужели сейчас, когда мы уже здесь, когда столько пройдено, мы имеем право сомневаться?

Она смотрела ему прямо в глаза, и он не мог отвести взгляда. По спине пробежал холодок — но он не отступил.

Дивун медленно поднёс её руку к губам. И заплакал.

Она не ожидала. Растерялась на мгновение, не зная, что делать. Потом погладила его по голове, прижалась щекой к его волосам, чувствуя, как они пахнут ветром и лесом — тем самым, из Ясной Поляны, который, казалось, навсегда въелся в его кожу.

Они сидели так долго. В комнате было тихо — только дыхание и редкие, приглушённые всхлипы.

— Я очень слабый, — прошептал он наконец, и в этом шёпоте было столько горечи, что ей захотелось обнять его ещё крепче.

— Нет, — она отстранилась, заглянула в его мокрые, покрасневшие глаза. — Ты самый смелый, кого я знаю. Ты не слабый — ты ответственный. Боишься подвести отца, подвести всех. Но перестань себя гнобить. Мы на правильном пути.

Он вытер лицо ладонью, пытаясь взять себя в руки. Хотел что-то сказать — она остановила его жестом.

— Я не всё тебе рассказала.

— Что? — он насторожился, и в его глазах мелькнула тревога.

— В прошлое воскресенье, когда я была в том мире, мы говорили с дедом. — Она помолчала, словно собираясь с духом. — Он сказал: не отчаивайтесь, что не находите разумных идей. Скоро вы получите очень важную информацию.

— Какую? Что он имел в виду? — Дивун подался вперёд, и в его голосе зазвучала надежда.

— Не сказал, — она покачала головой. — Но ты понимаешь? — Дара вдруг улыбнулась — той же светлой, открытой улыбкой, от которой у Дивуна каждый раз перехватывало дыхание. — Всё правильно.

Он смотрел на неё, и в груди таял ледяной комок, который он носил в себе последние три года. Три года сомнений, страхов, бессонных ночей.

— А вдруг он просто хотел нас поддержать? Чтобы мы не отчаивались? — спросил он, всё ещё не решаясь поверить до конца.

— Перестань видеть во всём негатив! — Она почти рассмеялась, и в этом смехе было что-то от прежней Дары — лёгкой, беззаботной, какой она была до перехода. — Ты чудь или нет?

Дивун не ответил. Он подошёл к ней — и обнял. Крепко, как в тот раз, на пороге Ясной Поляны, когда они ещё не знали, что ждёт их впереди, но уже чувствовали, что этот путь они пройдут вместе.

И впервые за долгое время он почувствовал — не головой, а сердцем, всем своим существом, — что, может быть, всё и правда не зря. Что их миссия имеет смысл, даже если они пока не могут его разглядеть. Что их присутствие здесь нужно не только им самим.

Он держал её в объятиях и чувствовал, как уходит боль, как тает лёд, как мир за окном — чужой, непонятный, пугающий — перестаёт быть враждебным. Потому что теперь он был не один.

Глава IV. Изоляция

Солнечный свет сочился сквозь ткань штор, настойчивый и навязчивый, как напоминание: жизнь вне этих стен продолжается. Вар лежал с закрытыми глазами, но сон давно оставил его. Он слушал тишину, которая больше не была пустой — она превратилась в тягучую субстанцию, вязкую, как янтарь, грозившую навеки застыть вокруг него.

Шёл второй месяц самоизоляции. Город, когда-то кипящий жизнью, теперь замер в искусственном анабиозе. Люди прятались по квартирам, чтобы не стать частью безликой статистики. Работа, которую иногда присылала Маргарита Анатольевна, отнимала не больше часа. Сначала это высвободившееся время казалось подарком: наконец-то можно было побыть с Полиной, дочитать книги, разобраться в тревожных мыслях. Но дни стали пустыми, как консервные банки, из которых вынули содержимое.

С Полиной поселилось напряжение. Она хотела будущего — ясного, определённого, закреплённого штампами и обещаниями. Вар медлил. Он знал: шаг к семье для него — не просто формальность, а порог, за которым он обязан будет открыть ей правду о себе. О чуде брак — это не союз двух одиночеств, а слияние двух вселенных, где секреты не имеют права на существование. Он не знал, готов ли произнести эти слова вслух, и готова ли она услышать их.

Чтение тоже не спасало. Строчки расплывались, теряя смысл, а в душе, как и у большинства обитателей этого мира, пустила корни новая, прежде неведомая ему тревога — липкая, безымянная, въедающаяся в поры.

Вар пересилил себя: встал, машинально заправил постель, совершил привычные утренние ритуалы. На кухне было безмолвно. Полина ещё спала. Вадим ушёл на завод — его присутствие выдавала лишь пустая вешалка в прихожей.

Насыпав кофе в ковшик, Вар поставил его на огонь и, не глядя, уставился в окно. Серое небо нависало над голыми деревьями, обеззвученными, словно мир замер в ожидании приговора. Птиц не было, машин — тоже. Только влажная тишина, давящая на виски.

Внутри заныло. Он ударил себя по щеке, чтобы стряхнуть оцепенение, выключил плиту, налил кипятка в кружку. Сделал глоток, обжёг нёбо — боль отрезвила, вернула его из липкого забытья в реальность.

Вернувшись в комнату, он включил «Вальс дождя» Шопена, сделал зарядку, заставляя тело вспомнить, что оно существует. Новости в телефоне были пугающе однообразны: цифры заражённых, сводки погибших, новые ограничения. Для выхода на улицу нужен был пропуск — бумажный и безликий.

«Пропуск... — подумал Вар, и его пальцы машинально нащупали во внутреннем кармане жёлтый круг. — Как у нас. Только у нас он — солнечный, а здесь — бюрократическая печать». Он носил этот пропуск в свой нематериальный мир как последнюю нить, связывающую его с домом.

Когда в комнату вошла Полина, время будто снова остановилось. На ней была тонкая розовая сорочка, поверх накинут халат, волосы прилежно причёсаны. Она была прекрасна в своей утренней небрежности, и это вызывало в нём дрожь, которую он едва сдерживал.

— Доброе утро, Вар, — её голос был тихим.

— Доброе утро, — ответил он, отворачиваясь к окну, чтобы она не увидела того, что творится у него в глазах.

Но она подошла сама, коснулась его руки, прильнула к его спине всем телом, поцеловала в плечо. Вар развернулся, чувствуя, как его захлёстывает желание быть с ней. Он посмотрел на неё строго, из последних сил отстранил, сжимая её плечи.

— Послушай, — голос его сел до хрипоты. — Ты не должна так соблазнять меня. Я всем сердцем, душой и телом хочу быть с тобой. Как с женой. Но всё, к чему ведёт этот разговор, будет только после свадьбы.

— После свадьбы? — в её голосе дрогнула надежда и испуг. — Ты хочешь на мне жениться?

— Конечно, хочу, — он сжал её плечи, чувствуя под пальцами её хрупкость. — Неужели ты думала иначе?

— Но почему ты никогда не говоришь об этом? — слёзы выступили на её глазах, и он видел, как в них отражается вся её боль от неопределённости. — Я всегда с тобой откровенна. Я хочу семьи. Штамп — это формальность, наша любовь от него не изменится.

— Для меня изменится, — Вар говорил тихо, с усилием. — Когда мы поженимся, уже не будет тебя и меня. Будем мы. Одно целое. Пойдут дети. Я должен быть готов заботиться о вас. Это не просто решение, это таинство.

— Мы можем пожениться до того, как пойдут дети, — прошептала она.

— Полина, для меня семья — это не просто союз. Это таинство. И да, я верю: сколько Богу будет угодно нам дать детей, столько и будет. Но я не требую от тебя немедленного ответа или обещаний. Я просто хочу, чтобы ты знала: для меня это так.

— Что? — она отшатнулась, словно от пощёчины. — То есть как?

Она села на кровать и разрыдалась. Вар хотел обнять её, утешить, но не позволил себе, чувствуя, что его собственная выдержка на пределе.

— Пожалуйста, уходи, — почти крикнул он, не узнавая своего голоса. — Я больше не могу сдерживаться.

Полина выбежала, оставив его одного в комнате, где воздух стал спёртым от невысказанных слов. Вар схватил книгу, но строчки сливались в серую массу. Он чувствовал, как его начинает накрывать то же самое, что он наблюдал в людях этого мира — липкое, парализующее отчаяние.

В прихожей послышался шум, пришел Вадим. Он был возбуждён, говорил громко, его глаза лихорадочно блестели. Вар, к своему удивлению, почувствовал не раздражение, а странное облегчение — рядом появился живой человек, способный вырвать его из этого застывшего мира.

— Привет, Вадим! — Вар улыбнулся. — Что нового? — спросил Вар.

— Да полно! — Вадим заговорил эмоционально, размахивая руками. — Вы вообще в курсе, что происходит? Новости смотрите?

Он принялся разуваться. Старательно развязывал шнурки, снял ботинки, поставил в обувницу — едва касаясь пальцами, чтобы не запачкаться. Повесил куртку, прошёл в ванную.

Вадим, тщательно, с какой-то ритуальной аккуратностью, снял маску и перчатки, упаковав их в специальный пакет, и принялся мыть руки, громко комментируя каждый свой шаг.

Полина, всё ещё обиженная, молчала, и Вар, чувствуя её напряжение, с трудом сдерживался, чтобы не подойти к ней.

— А вы знаете, как надо правильно мыть руки? — донеслось из ванной.

— Нам очень любопытно узнать твоё мнение, — отозвался Вар.

— Надо мыть долго, использовать достаточно мыла, тщательно промывать между пальцами!

Полина не сдержала улыбки.

— Это вам на работе инструкцию выдали?

— Да! Везде говорят! — Вадим намыливал пальцы. — Вы что, телевизор не включаете?

Наконец он закончил, прошёл в зал — он же спальня его и сестры. Включил телевизор, плюхнулся на диван. Полина села рядом. Вар вошёл следом, ища взглядом девушку, но она не реагировала. Настроение упало.

В новостях — снова цифры. Заразившиеся, погибшие. Больницы переполнены, людей свозят на стадионы. Нехватка врачей.

Следом — бодрое сообщение: зарубежные партнёры уже почти разработали спасительную вакцину, начались поставки, скоро всеобщая вакцинация.

Вадим встрепенулся:

— Я хочу эту вакцину! На фиг переболеть! Я аллергик, могу не выжить.

— Не стоит сразу прививаться, — осторожно сказала Полина. — Вакцина должна пройти испытания. Нужно время, чтобы убедиться в безопасности.

— Да я не доживу! Сколько нам прививок с детства делали — ничего, не сдох пока.

— Твоя сестра права, — вмешался Вар. — Это серьёзно. Не спеши.

— Не-е, — Вадим мотнул головой. — Я верю зарубежным прививкам. У них всё качественно, не то что у нас. Сделаешь — и ходи спокойно, без масок. На маски, кстати, денег уходит немерено.

— Вадим, ты молодой и здоровый. Даже если заболеешь, скорее всего, перенесёшь легко, — Полина не сдавалась. — И прививка не даёт абсолютной гарантии.

— Я аллергик. Чихаю на цветение.

— Вряд ли у тебя аллергия — нет сыпи. И это не относит тебя к группе риска. — Полина вздохнула. — Мне кажется, всем нам не стоит спешить. Даже если власти будут предлагать.

— Я читал о разработке вакцин, — сказал Вар. — Нужно время. Испытания на животных, потом на людях. Прошло слишком мало. Долгосрочные исследования невозможны.

— Какие долгосрочные? — не понял Вадим.

— Вакцина может дать негативную реакцию не сразу, а через полгода, год.

— Пока они проверят, мы все выйдем!

— Вадим, перестань нагнетать. Всё будет хорошо.

— Ну не знаю... Я всё равно сделаю, если на работе предложат. Тем более зарубежная.

— Да при чём здесь это? — Полина всплеснула руками. — Речь о здоровье!

— Я думаю, — медленно проговорил Вар, — что качественная вакцина не могла появиться так быстро. И делать её точно не стоит. Мне кажется, вся эта история очень странная.

— Ну началось! — Вадим закатил глаза. — Сейчас начнёшь втюхивать чушь, как мужики у меня на работе. Несут ахинею: что нам всем чипы вживят, что будем под колпаком... Алкашня!

— А почему они так говорят? — спросил Вар. — Где слышали?

— Да фиг их знает! Один вообще патриот — нашего руководителя защищает, чуть ли не богоизбранный. У него кукуха поехала. Лучше бы работал, а то сидит, читает всё время... И ко мне придираются. Понятно, я главного не хвалю и не бухаю с ними. Я вообще свалить хочу из этой страны. Вон в Армике слесаря по четыре тысячи баксов получают. А я тут вкальваю за три копейки.

Он мечтательно опрокинул голову на спинку дивана, положил руку на подлокотник — подлокотник с грохотом упал на пол.

— Вон у нас даже мебель нормальная — и та разваливается. Наверное, в нашей стране собирали.

— Вадим, многие уезжают, но ты и работаешь сутки через трое. Если бы учиться пошёл — зарплата была бы выше. Ты сам не захотел.

— Да на фиг надо! Если валить за бугор, наш диплом там никому не нужен. Сейчас границы закрыты, но скоро вакцинируют всех — и можно будет сваливать.

— Мне кажется, ты рассуждаешь не подумав, — сказал Вар. — В любой стране жить непросто. Даже если будешь зарабатывать больше, расходы выше. Аренда, проезд, еда. А когда заведёшь семью...

Полина резко встала и вышла из комнаты.

Вар замолчал, глядя ей вслед. Понял: эта тема для неё — болезненная.

— Я вообще не собираюсь заводить семью, — вальяжно ответил Вадим. — По крайней мере, детей точно. Моя вера запрещает жить без брака, но уж детей я не хочу. Вон у нас на заводе мужики только жалуются на своих: один двух охломонов кормит, у другого сын — употребляет, третий всё пропивает. Все мне завидуют, что я один.

— Вадим, надеюсь, ты несерьёзно, — Вар нахмурился. — Вряд ли тебе кто-то завидует. Они говорят на эмоциях. Обычно люди любят своих детей и готовы их содержать. Дети — это не вода из источника. Они — те, кто постоянно просит пить. Когда люди мечтают о детях, они думают, что жизнь станет идеальной открыткой. А она становится полем и лесом. Открытка рвётся, а из леса и поля можно построить дом. Настоящий. Но для этого нужно признать: строишь не из чувства долга — из желания жить. Уже здесь. Вместе.

— Да-да, завидуют, — не унимался Вадим.

— Хорошо, оставим. Но если ты верующий, христианин — как же заповедь? Господь сказал Адаму и Еве: плодитесь и размножайтесь. Разве это не предназначение человека?

— Бог не сказал этого мне лично. Это было обращение к Адаму и Еве.

— Но разве мы не происходим от них? Разве у нас другие права?

— Я Писание толкую буквально. Там не сказано, что я обязан иметь детей.

— Если у тебя будет жена, разве не естественно — породить потомство?

— В современном мире есть контрацептивы, — Вадим усмехнулся и сделал неопределённый жест.

— Допустим. Но человек должен о ком-то заботиться. Жить только для себя — станет невыносимо. Это не даст покоя. Господь создал нас так и заложил в нас эту потребность.

Вадим на мгновение умолк, и в его взгляде появилось что-то новое, ранее не знакомое Вару — не цинизм, а задумчивость.

— Мы будем заботиться друг о друге, — твёрдо сказал он. — Это разве не забота? Не обязательно ведь растить детей, чтобы чувствовать себя нужным. Можно быть полезным иначе.

Вар удивлённо поднял бровь:

— Например?

— Ну... — Вадим замялся, но потом выпалил, словно эта мысль давно жила в нём, просто он стеснялся её озвучить: — Например, стать донором костного мозга. Или крови. Просто так. Для незнакомого человека. Это же не просто «помощь». Это... ну, ты буквально часть себя отдаёшь, чтобы кто-то другой жил. Клетки твоего тела бегут по венам другого человека и спасают его. Разве это не круто? Это не просто штаны на ребёнка зарабатывать. Тут ты — спасатель. Без шуток.

Вар замер. Он смотрел на этого вечно недовольного, помешанного на айфонах и деньгах парня и видел его совсем другим. Словно за броней из потребительства и лени вдруг блеснул настоящий, живой свет.

— Ты... серьёзно думал об этом? — тихо спросил Вар.

— Думал, — буркнул Вадим, отводя взгляд. Ему было неловко от собственной откровенности. — Там, на заводе, мужик один рассказывал. Его племянника так спасли. Я потом в интернете читал. Стать донором — это как подписать договор с совестью. Что ты не просто так по земле ходишь. В общем... — он махнул рукой, пытаясь вернуть себе привычную небрежность, — и вообще, после Армагеддона настанет другая жизнь на Земле — вот тогда и заживём. Может, и детей заведём, когда не надо будет так вкалывать.

Вар молчал. Внутри него этот разборный, противоречивый монолог Вадима отозвался странной, щемящей надеждой.

— Знаешь, Вадим, — наконец сказал Вар. — Иногда самая великая забота — это та, о которой никто не узнает. Ты прав. Быть полезным можно по-разному. И то, что ты сказал о донорстве... это дорогого стоит.

— Ладно, философ, — отмахнулся Вадим, но на его губах мелькнула тень довольной улыбки. — Оставим этот разговор. Иди обедать, наверное, устал.

Он вышел из комнаты, а Вар ещё долго сидел, глядя на закрытую дверь.

Через несколько минут у Вара зазвонил телефон.

— Здравствуй, Вар, — раздался знакомый голос Маргариты Анатольевны.

— Здравствуйте.

— Слышал ли ты о вакцинации? — не дождавшись ответа, продолжила: — В общем, мне сообщили, что скоро в академии будет проводиться вакцинация. Сначала надо сделать прививку, потом уже спокойно работать. Странно, конечно, что совсем не дают времени для адаптации... Но прививка вроде хорошая. И Полинке передай, чтобы тоже поехала делать.

— Маргарита Анатольевна, — спокойно произнёс Вар. — Я не буду делать прививку. И Вам не советую.

— То есть как не будешь? Ты, надеюсь, понял: без прививки тебя не допустят к работе? — она выдержала паузу. — А ты не сможешь выполнять свою работу. Ты нужен мне на кафедре, а не дома.

— Что ж. Не допустят — и не допустят.

— Я всё-таки надеюсь, что ты шутишь, — приказным, неприятным тоном ответила заведующая. — В противном случае мне придётся искать нового методиста. Да и как ты учиться собрался? К учёбе тебя тоже без прививки не допустят.

— Я не могу на это повлиять. Однако прививку делать не стану.

Маргарита Анатольевна отключилась. Вар услышал короткие гудки.

В комнату вошла Полина.

— Вар, что-то случилось?

— Похоже, да. Нас обязывают вакцинироваться. В противном случае — не допустят к работе и учёбе.

Телефон зазвонил снова.

— Вар, — голос заведующей теперь звучал мягче, почти заискивающе. — Неужели ты готов из-за какой-то, я не знаю, прихоти — она интонационно выделила последнее слово — лишиться работы, учёбы? Ты молод ещё. Нельзя портить себе жизнь эмоциональными решениями. Пожалуйста, хорошо обо всём подумай и приходи в академию для вакцинирования. Я даю тебе ещё неделю, чтобы всё обдумать.

— Маргарита Анатольевна, у меня нет никаких эмоциональных решений. Я совершенно осознанно отказываюсь делать прививку.

— Слушай, ну что это такое? Почему? Какой ерундой и кто тебе забил голову?

— Пока эта прививка может быть опасна для жизни и здоровья.

— Нет. Ну ты это серьёзно? Ты готов поставить на кон свою успешную жизнь и загубить своё образование?

Вара развеселил её ответ. Он едва сдержался от смеха.

— Маргарита Анатольевна, моё образование не пострадает. Это всё сейчас уже не имеет большого значения.

— Вар, — надрывным, громким голосом ответила заведующая. — Какая всё это чушь. А ведь каким хорошим парнем мне казался... В общем, так: я даю тебе неделю. Ты хорошо подумай, отбрось все сомнения, всё как следует изучи. — Она помолчала. — Вот новости лучше посмотри, послушай, что там умные люди говорят.

— Я Вас услышал. И благодарю за участие. Но вряд ли моё мнение изменится.

Заведующая повесила трубку.

Полина стояла рядом, словно ошарашенная. Лицо её побледнело, на глазах стояли слёзы — она слышала весь разговор.

Вар подошёл, обнял её.

— Моя милая, что же ты так расстроилась? Не переживай! Мы справимся!

Из груди девушки вырвался сначала едва уловимый стон, потом более отчётливый, надрывный.

— Вар, мне страшно! Что происходит? Что со всеми нами будет? — перейдя на плач, проговорила она.

Слёзы залили всё лицо, стекали с подбородка. Вар нежно обнимал её, пытался успокоить.

— Тебе надо успокоиться.

Он взял её за руку и повёл на кухню.

Заварил чай с ромашкой, подал. Она выпила почти залпом.

— Вот теперь можно общаться, — ласково сказал Вар. — Ничего страшного пока не происходит. Ты меня слышишь?

Полина молчала. Вар повторил вопрос — она кивнула.

Она плакала не о работе, не об учёбе — о чём-то гораздо большем, о зыбкости мира, который рушится вокруг них.

Вар снова обнял её, чувствуя, как дрожит её тело, и впервые за долгое время ему стало не страшно. Там, где рушится одна реальность, всегда есть шанс построить другую. Они были вместе, они были живы, и это было главным.

Глава V. Новые требования

Наконец-то пришло долгожданное тепло, раскрасив мир в немыслимые, яркие тона. Воздух стал пьянящим от цветочных ароматов и свежести нарождающейся жизни. Казалось, сама природа пыталась напомнить людям, что жизнь продолжается, что есть вещи, которые не подвластны никаким вирусам и указам.

Но этот праздник природы существовал словно параллельно с другой, мрачной реальностью.

Эпидемия, как навязчивый, больной мотив, не стихала. Она звучала из каждого телевизора, с каждой страницы новостной ленты, из разговоров соседей, которые теперь вели через маски, на расстоянии, не глядя в глаза. Режим самоизоляции, ставший синонимом слова «жизнь», никто не отменял.

Само понятие «улица» обесценилось. Те, кто ещё помнил вкус свободы, теперь говорили о ней как о роскоши прошлого. Чтобы ступить на асфальт, нужен был пропуск — безликий, но всемогущий документ, выданный бездушной системой. Бумажка с печатью, которая решала, имеешь ли ты право дышать воздухом за пределами своей клетки.

Город замер.

Театры, музеи, шумные когда-то кафе — всё находилось в пыльном оцепенении непоплачиваемых отпусков. Лишь торговые центры, эти гигантские ульи потребления, продолжали работать, словно ничего не случилось, создавая жутковатый контраст с опустевшими улицами. В их стерильных коридорах, подсвеченных неоновым светом, люди бродили как тени, нагруженные пакетами, — покупали, покупали, покупали, будто вещи могли заполнить ту пустоту, что образовалась внутри.

Государства захлопнули свои границы, как створки гигантского капкана. Мир, ещё недавно такой открытый, съёжился до размеров квартиры, района, города. Чувство тревоги, въедливое, как запах формалина, проникло в каждый дом. Кого-то оно толкнуло в объятия отчаянной молитвы, кого-то — в спасительную апатию, а кто-то лихорадочно искал себя в этом сошедшем с ума мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.